

Ван Чжаоцай неспешно, слово за словом, начал доклад: «Войска князя Нина не проявляют подозрительных действий, однако перед возвращением в столицу для отчёта я выяснил, что несколько скрытных личностей пересекли границу с севера и вступили в контакт с людьми князя».

Хэ Сы невольно спросил: «Жуны?»

Северные земли принадлежали жунам — именно они в числе прочих негодяев когда-то осаждали столицу Великой Янь. Позже их наголову разбил старый князь Нин, пришедший на выручку, и отбросил за пределы северных рубежей. Тогдашний император, в благодарность за спасение, пожаловал роду Нин несколько областей в Ююне для обороны.

Хэ Сы, учившийся во внутренней школе, читал исторические хроники и знал: север — не лучшее место для жизни, зато идеально подходит для тренировки войск и выездки лошадей. Позволить и без того сильному княжескому роду Нин обосноваться там, где они ежедневно оттачивают воинское искусство в стычках с жунами, — значит вырастить одну из мощнейших армий Великой Янь. И теперь эта армия, надо полагать, стала головной болью для столичного императора.

Впрочем, нынешний государь ещё мал, и его заботы, наверное, крутятся вокруг непростых отношений между его мачехой и этим прекрасным наместником.

Вот уж действительно несносный мальчишка!

Ван Чжаоцай, однако, покачал головой: «Хотя эти люди были одеты как жуны, мои люди, понаблюдав, заметили, что повадки их больше смахивают на выходцев из государства Цзинь. Но люди князя Нина чрезмерно бдительны, наша слежка вскоре была раскрыта. Дабы не спугнуть их окончательно, я отозвал людей и вернулся в столицу с докладом».

Цзинь?!

Хэ Сы подумал, что уж лучше бы жуны. Жуны — словно дикие коты, что каждую весну приходят в брачную пору: то с той, то с другой стороны поскребут границы Великой Янь, надоедают нестерпимо, но в целом — невелика беда.

А вот князь Нин — дело иное. Он — отпрыск императорского рода, владеет мощным войском, стоит на страже государства. Вдруг заведёт тайные сношения с другой страной, ударит изнутри да с подмогой извне? Последствия будут немыслимы.

Видимо, покойный император уже задумывался об урезке власти князя Нина, иначе не стал бы направлять в область Ю своего приёмного отца — Ван Чжаоцай, одного из Четырёх Великих Хранителей. Жаль, не успел претворить замыслы в жизнь — отправился в мир иной, оставив семилетнего наследника, который и до трона-то не дорос. Разве сейчас можно тронуть князя Нина? Да и посмеет ли кто?

Будь на месте Хэ Сы — ни за что не посмел бы.

Что до государства Цзинь, то с самого основания Великой Янь оно было словно хищный зверь, притаившийся на востоке. Когда осаждали Яньцзин, они уж точно подливали масла в огонь.

Говорят, нынешний император Цзинь давно и тяжело болен, а соглядатаи Восточной палаты доносят: принцы и принцессы яростно грызутся за право наследования. В такое-то время цзиньцы являются к князю Нину — весьма многозначительно.

Увы, князь Нин — редкий среди императорской фамилии умница, его не проведёшь. Хэ Сы, поразмыслив, велел Ван Чжаоцаю выбрать в столице нескольких незнакомых лазутчиков и вновь отправить в Ююнь на разведку. Если удастся добыть веские доказательства тайных сношений князя с чужеземцами — прекрасно. Если нет — пусть остаются и следят дальше.

Хэ Сы не верил, что князь Нин, стащив курицу, сумеет спрятать лисью пасть!

Ван Чжаоцай молча принял приказ, потом его полные губы дрогнули: «Наместник?»

Хэ Сы, весь погружённый в мысли о князе Нине, размышлял, что надо бы как-нибудь поставить в известность малолетнего императора — тогда узнает и вдовствующая императрица.

Нынешняя государыня происходит из семьи канцлера, и, если отбросить её раннее вдовство да беспокойное сердце, политической проницательности ей не занимать. Известить императрицу — значит, дать знать нескольким министрам Внутреннего кабинета, чтобы те имели в виду и не думали, будто в Поднебесной всё тихо да гладко, от нечего делать строча доносы на него, мелкого евнуха.

Ван Чжаоцай окликнул, и Хэ Сы лишь спустя мгновение очнулся: «Что?»

Ван Чжаоцай смотрел на него простодушно: «Когда я проезжал через область Цин, повстречал старого главу Палаты. Он велел спросить вас: начали ли вы действовать против Императорской гвардии?»

Хэ Сы: «...»

...

В «Ихуньюане» всё же не стоило задерживаться надолго, тем более после того, как туда ворвались служивые из Интяньфу — наверняка это привлекло внимание иных столичных сил. Хэ Сы, отмахнувшись, отослал Ван Чжаоцаю, пообещав, что в течение своей жизни непременно поколотит Внутренний кабинет, пнёт Императорскую гвардию и возвеличит злодейскую мощь Восточной палаты. Пусть не впишет имя в историю, так хоть обесславит на веки вечные. Ван Чжаоцай наконец облегчённо вздохнул...

Хэ Сы глядел на него и Чжао Цзинчжуна, и сердце его сжималось от сложных чувств. Ему казалось, что, проведя в Восточной палате достаточно времени, он окончательно утратит всякие нравственные ориентиры. А возможно, они уже извратились...

Покидая «Ихуньюань», Хэ Сы не стал искать неприятностей тому молодому гвардейцу. Наместнику Восточной палаты не пристало ссориться с мелким служакой Императорской гвардии, который даже не дослужился до тысячника.

Не по чину, не стоит того.

Он не искал — но это не значит, что другие не позаботились.

Вероятно, заметив, что Хэ Сы несколько раз проявил внимание к тому гвардейцу, заботливый телохранитель Чжао Цзинчжун по дороге назад подробно выложил всю подноготную некоего Лу Чжэнмина, вплоть до того, как тот в три года попрошайничал, в четыре — уголь копал, а в девять — чуть не сгинул на улице, искушенный псами.

Хэ Сы не выдержал: «Чжунчжун!»

Чжао Цзинчжун мгновенно примолк.

У Хэ Сы дёрнулся глаз: «С чего вы все взяли, что ваш наместник непременно должен любить мужчин? А?!!»

Чжао Цзинчжун осторожно взглянул на него: «А вы... разве не любите?»

Хэ Сы: «...»

Хэ Сы долго молчал, потом, стиснув зубы, процедил: «Во дворец!»

Смена темы вышла слишком грубой, и Чжао Цзинчжун было собрался вставить слово, но Хэ Сы злобно пригрозил: «Скажешь ещё хоть слово — оскоплю!»

Чжао Цзинчжун окончательно прикусил язык.

На душе у него было обидно и недоуменно: если его наместник не любит мужчин, выходит, любит женщин? Похищать девиц они, конечно, мастера, но их наместник сам красоты неопикуемой — рядом с хорошенькими девушками будет смотреться скорее их подружкой!

...

Во дворце всё было спокойно. Малолетний император в тот день, на удивление, прилежно занимался чтением и письмом. Говорят, новый наставник государя весьма суров, и юный правитель изнывает от тягот учения. Хэ Сы удовлетворённо (и даже злорадно) ухмыльнулся, решив позже нанять для этого негодяя ещё и учителя воинских искусств — посмотрим, останутся ли у него силы на проказы.

Раз уж малолетний император не доставлял хлопот, Хэ Сы для вида выслушал доклады от всех дворцов и управлений, потом сослался на усталость и отпустил всех.

Не спеша вымыв руки, он тщательно вытер пальцы платком, отпил чаю, почитал немного и, когда делать стало уже совсем нечего, нехотя взглянул на ножку стола.

Слева лежала счётная книга, от одного вида которой ему становилось не по себе, справа — истрёпанная книга, страшная уже тем, что её можно было не читать...

Оба предмета внушали равный ужас, но избежать их было нельзя. Помучившись, Хэ Сы решил начать всё-таки с книги.

Вдруг это всего лишь сон?

Если же нет — откуда в книге сами собой берутся слова?

Утешая себя такими мыслями, Хэ Сы медленно вытащил книгу из-под стола.

Пролежав целый день под тяжестью, книга выглядела помятой и унылой, а на обложке отпечатался глубокий след, напоминающий огромный странный.

Хэ Сы, дёргаясь глазом, открыл вторую страницу. Строка с просьбой занять денег у Императорской гвардии по-прежнему была на месте, однако, едва он раскрыл книгу, тёмные чернила стали таять, словно размытые водой, оставляя лишь смятую пустоту.

Хэ Сы: «???»

Что бы это значило? Он перелистал страницы туда-сюда — ни единого знака.

Задумчиво положив книгу, он вернулся к обложке. Два крупных иероглифа — «Коварный евнух» — по-прежнему резали глаза.

Значит ли это, что он выполнил сегодняшнее задание?

Именно поэтому сердце больше не сжималось от боли? И даже если он не занимал денег у Императорской гвардии, само действие засчиталось?

Хэ Сы, подперев щеку рукой, бессознательно водил пальцем по обложке, всё больше убеждаясь в своей правоте.

Но что это за книга такая и зачем ей понадобилось, чтобы он занимал деньги именно у Императорской гвардии?

Пусть даже он по уши в долгах, но с помощью связей Восточной палаты всегда можно раздобыть денег на крайний случай. В крайнем случае — попросту затянуть выплату. Юнь Цун, глава Министерства финансов, ничего ему не сделает — авторитет приёмного отца ещё силен, и чиновники по-прежнему трепещут перед беспощадной Восточной палатой.

<http://bllate.org/book/16284/1466962>